

Если два часа ехать на юго-запад от Тбилиси, то обязательно попадешь в сравнительно небольшой горный поселок Шаумяни. Он назван в честь одного из двадцати шести бакинских комиссаров армянина Степана Шаумяна. Сам поселок располагался на территории Грузии, но жили там в основном армяне, и был знаменит своим единственным врачом-гинекологом грузином, принимавшим роды в поселковой больнице, и близким соседством с первой ракетной воинской частью в Закавказском военном округе, сокращенно ЗАКВО.

Утро 23 февраля 1958 года застало офицеров в парадном строю, а вечером за игрой в преферанс. Под жильем офицерским семьям был выделен огромный склад для хранения аэростатов (раньше в Шаумяни стоял аэростатный полк). Внутреннее помещение склада перегородили деревянными стенами на небольшие комнатухи. Туалет был во дворе. К нему нужно было добираться через пятидесятиметровый широкий коридор мимо наспех сколоченных комнат для офицерских семей.

В распоряжении офицеров-холостяков тоже был аэростатный склад, но с комнатами побольше, рассчитанными на шесть человек. Такой же длинный коридор своей противоположной выходу стороной упирался в массивную стену. Возле нее офицеры-холостяки соорудили пулеулавливатель и палили по мишеням из пистолетов в свободное от службы время. Начальники в те времена, зачастую бывшие фронтовики, не относились к расходованию боеприпасов трепетно, как нынешние.

Поколение офицеров, ровесников моих родителей, было молодо и верило в партию, светлое коммунистическое будущее и было готово на любые жертвы ради этого. Жили трудно, но открыто. Всех ровнял длинный аэростатный коридор с одинаковыми комнатами и примитивной мебелью: стол, две-три самодельных табуретки, деревянные настенные полки, длинная вешалка для одежды, два фанерных чемодана под солдатскими кроватями, простая посуда и один проводной приемник.

Когда отец уходил играть в преферанс к холостякам, иногда задерживаясь до утра, мама коротала время со своими подругами, женами других офицеров. Развлечений у них было мало: в клубе кружок художественной самодеятельности и танцев, там же функционировал курс кройки и шитья. Редко у кого из женщин были швейные машинки, они расценивались как предмет роскоши. Над швейными машинками склонялись в основном роженицы. Они строчили пеленки из бязевой и фланелевой ткани, выданной их мужьям на портянки. Постоянный стук швейных игл означал, что наши отцы успевали

не только защищать Родину.

Офицерская жизнь шла своим будничным чередом, но день 23 февраля 1958 года моей матери запомнился особенно. Она упросила отца научить ее играть в преферанс (забегая вперед, скажу, из этой затеи ничего не вышло). Чтобы развеять скуку, отец позволил ей пострелять из пистолета прямо на импровизированном стрельбище у холостяков. Перед ней на тумбочке большой горстью насыпали в тарелку патроны к пистолету ТТ, и она впервые в жизни дырявила мишени из боевого пистолета. Стрелять ей понравилось. С тех пор она часто ходила в аэростатный импровизированный тир и пулю за пулей отправляла в черный круг мишени.

Мама рассказывала, что ей очень хотелось, чтобы у нее родился первенец-мальчик и появился на свет именно 23 февраля.

Так оно и случилось. Мне таки довелось родиться 23 февраля 1960 года. Говорили, когда меня принесли домой, отец дал мне потрогать пистолет. По грузинскому обычаю считалось, если только родившийся мальчик дотронется до оружия, он станет военным. Возможно, так оно и было, потому что с детства я мечтал стать офицером. Меня с трех лет растила казарма. Дневальный с дежурным были моими няньками (детский сад построили позже, когда мне уже минуло пять лет).

Само собой выбор моей профессии был предопределен заранее и не мог быть иным, кроме как под офицерскими погонями служить Родине и, если надо, умереть за нее. Я был уверен, что живу в самой лучшей стране и что у нас самая лучшая в мире армия. «Несокрушимая и легендарная, в боях познавшая радость побед, тебе, любимая, родная армия, шлет наша Родина песню-привет». Эти слова из песни-кантаты я знал наизусть, и они не казались мне напыщенными. Мы любили армию, а точнее, героический миф, сочиненный в ее честь, и нам с этим мифом было уютно жить.

Через пять лет после моего рождения праздник 23 февраля в военных гарнизонах отмечали с большим размахом, чем в предыдущие года. Утро начиналось с торжественного построения, выноса знамени части и награждения отличившихся. Затем в гарнизонном клубе силами военного оркестра и художественной самодеятельности устраивали концерт. Иногда ставили какой-нибудь спектакль о гражданской войне. Хорошо запомнилась постановка спектакля «Оптимистическая трагедия». Моя мама играла в нем комиссара, которого по сценарию убивают. Игра самодеятельных актеров

мне, пятилетнему мальчишке, показалась очень убедительной. Когда раздался выстрел, и мама медленно сползла на сцену с кровью на виске (разумеется, это была краска), я бросился к ней с криком: «Мою маму убили!» Отец, сидящий рядом со мной в первом ряду, не успел перехватить меня. Это сделали его сослуживцы, когда я бежал вдоль сцены к ступенькам и орал сквозь слезы: «Мама, не умирай!» Вот так в свой пятый день рождения мне суждено было стать местной знаменитостью.

Летом того же года мама выиграла первенство Закавказского военного округа по пулевой стрельбе из пистолета среди мужчин и получила вместе с первым разрядом еще и приз: редкую и дорогую по тем временам игрушку – точную копию легкового автомобиля «ЗИМ» с дистанционным тросиковым управлением. Это была моя первая по-настоящему шикарная игрушка. Почти два года она выдерживала натиск моего детского настойчивого любопытства. В конце концов, оставшись без колес и с выдавленными стеклами, «ЗИМ» отправился в большой картонный ящик в дальнем углу кладовки. К тому времени мы переехали в благоустроенную квартиру, и на 23 февраля мама уже не палила из пистолета по несколько часов кряду. Она немного скучала по тем временам и всегда охотно рассказывала, как выиграла первый и самый дорогой для нее приз. А я втайне гордился мамой и взахлеб рассказывал друзьям о той победной стрельбе на первенство Закавказского военного округа.

Тогда же началось мое знакомство с военно-морским флотом.

Летом, наверное, это был День ВМФ, я впервые увидел офицера в черной парадной форме с вышитыми золотыми нитками погонами на плечах и такими же шевронами на рукавах. Сердце мое дрогнуло. С золотой вышивкой ярко-желтый пояс, обремененный кортиком на подвесках с военно-морской символикой, подчеркивал безупречную строгость военно-морского убранства. Белая фуражка с черным козырьком, украшенная позолоченной инкрустацией под дубовые ветки, добила мое неокрепшее воображение.

Этот капитан-лейтенант появился в нашем захолустном грузинском поселке Шаумяни, где базировалась первая ракетная, абсолютно сухопутная воинская часть, как гость с другой планеты. До ближайшего морского побережья Черного моря было около двухсот пятидесяти километров. Разумеется, военный моряк попал к нам неслучайно – страна пожинала плоды резкого сокращения Вооруженных сил СССР, в том числе и Военно-Морского флота. Тогда всюду резали новые военные корабли. Списанных с них офицеров отправляли служить в ракетные части для укомплектования кадрами, имеющими высшее техническое образование.

На двенадцатом году жизни мне ненадолго посчастливилось встретиться с морем, не проездом, не из окна поезда, а лицом к лицу: почувствовать его запах, окунуться в набегающую волну и втягивать воронками зрачков ускользящий в вечерних сумерках горизонт. Море переполняло меня, выплескиваясь мечтами о беззаветной службе ему, рождало желание быть рядом, любить и восхищаться непрерывной переменчивой игрой света и красок. Стихия умела завораживать. Стоило возникнуть на горизонте какому-нибудь большому военному кораблю – и дело сделано. В 1972 году на морской глади в районе Ливадии появился, как по волшебству, корабль под названием ракетный крейсер «Грозный». Это был знак – моя судьба закачалась на морских волнах.

23 февраля 1973 года День Советской Армии и Военно-Морского флота застал нашу семью на Западной Украине в воинской части (ракетной бригаде), где служил мой отец. Праздник отмечали как обычно. Утром солдаты и офицеры строились в парадное каре на огромном плацу. С трибуны произносили приветственные речи секретарь районного комитета Коммунистической партии, командир части, председатель женсовета и ударницы крупных предприятий города Кременца, а также представители подшефного колхоза в селе Белокриница. Личный состав ракетной бригады проходил перед трибуной торжественным маршем, затем гостям начинали демонстрировать солдатский быт: водили в столовую, кормили солдатской кашей, показывали казармы. Вечером все шли в клуб на концерт. Клуб располагался в помещении бывшего польского костела. На месте нашей воинской части до сентября 1939 года стоял драгунский полк. Тогда Кременецкий район (Тернопольская область) входил в состав Польши.

Концертная программа на 23 февраля состояла, как правило, из трех частей. Сначала на сцену выходили представители командования воинской части. Они награждали почетными грамотами, медалями отличников боевой и политической подготовки, вручали памятные подарки, а затем уступали место ведущим торжественного вечера. Женский и мужской хор исполнили кантату (торжественное песнопение) в честь Коммунистической партии Советского Союза. Помню даже начальные слова: «Партии – слава, от всего народа – слава...» После «Партии – слава» мужской хор исполнял кантату в честь В. И. Ленина «Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой, в горе, надежде и радости. Ленин в твоей судьбе, в каждом счастливом дне...». От ленинской тематики песен переходили к военной: «В боях добытая, кровью омытая, слава русская подвигом озарена...» Когда заканчивались длинные и торжественные песнопения во славу КПСС, Ленина и Советской Армии, начиналась третья часть торжественного концерта – самая интересная.

Моя мама, как и многие другие жены офицеров, пела в хоре. Особенной популярностью

в начале и середине 70-х годов пользовалась песня «Алеша» (музыка Эдуарда Колмановского, слова Константина Ваншенкина): «Белеет ли в поле пороша, иль гулкие ливни шумят, стоит над горою Алеша – в Болгарии русский солдат». После выступал детский хор и пел песню Сергея Никитина «Песня о маленьком трубаче»: «Кругом война, а этот маленький – над ним смеялись все врачи: «Куда такой годится маленький? Ну разве только в трубачи!» Когда сверстники доходили до слов: «И встал трубач в дыму и пламени, к губам трубу свою прижал, и за трубой весь полк израненный запел «Интернационал». И полк пошел за трубачом, обыкновенным трубачом», у меня к горлу подкатывал комок. Я присутствовал на концертах, в основном в качестве зрителя из-за неумения петь и не очень хорошего музыкального слуха.

Репертуар торжественных концертов, разумеется, менялся. Бессменными оставались только кантаты и марш «Прощание славянки», исполняемый на всех торжественных музыкальных мероприятиях. «Славянку» обычно исполняли на бис три раза. Без нее не обходились строевые смотры, парады, демонстрации и показательные выступления всех военных оркестров.

В тот год порядок выступлений решили немного изменить. Подшефная русская (одна на весь район) школа решила поздравить своих военных шефов пафосным речитативом во славу Советской Армии и ВМФ. Пионерская дружина имени Юрия Гагарина прибыла в назначенное время в клуб. Мне, как знаменосцу дружины, в сопровождении двух ассистенток необходимо было торжественным строевым шагом пройти через весь зал на сцену. В белой рубашке, красной пилотке, красном галстуке и красной перевязи, с красным знаменем в руках я с волнением печатал шаг по кафельному полу клуба. Оркестр играл «Встречный марш». Присутствующие гости, солдаты и офицеры поднялись со своих мест и стоя приветствовали нашу знаменную группу. Никогда больше путь до сцены мне не казался таким длинным. После окончания поздравления пионервожатая звонко крикнула: «Для выноса знамени – смирно!» Путь обратно показался мне немного короче. В конце пути я не рассчитал высоту проема дверей на выходе и наконецником древка воткнулся в дверной косяк. Мою неловкость, как мне представлялось, заметили все. Больше всего я боялся услышать смех в зале. Оркестр к тому времени перестал играть и звук удара металла о дверной косяк отчетливо разнесся под сводами бывшего костела. Мне было стыдно за свою неуклюжесть, я едва сдерживал слезы от досады. Зал доброжелательно промолчал. На меня лишь негромко шипели мои ассистентки, маршировавшие вместе со мной. Мне хотелось провалиться от стыда, я краснел и потел от волнения. В гардероб, куда мы отправились переодеваться, я зашел окончательно разбитый досадой. Словно почувствовав неладное, за нами следом зашел командир воинской части. Посмотрев на меня, точнее, на то жалкое зрелище, что я собой представлял, он молча снял со своего парадного кителя латунный знак, который выдавался офицерам, сдавшим экзамены на военного специалиста первого класса, и вручил мне со словами: «Держи, владей! Ты сделал все хорошо. С праздником тебя!» После чего крепко пожал мою руку. Знак представлял собой

усеченный опрокинутый треугольник похожий на расправленные крылья с изображением танка и ракеты внутри, щит с цифрой один и с красной эмалевой звездочкой наверху. У звездочки, если внимательно присмотреться, был отколот кусочек эмали на верхнем луче. По окончании торжественного концерта, посвященного 56-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, грянул марш «Прощание славянки». Я, стоя на пороге клуба и сжимая в руке латунный знак, глотал всем сердцем грустные и тревожные звуки вечной мелодии.

К сожалению, этот подарок не сохранился.

В пятнадцать лет я поступил в Ленинградское Нахимовское военно-морское училище. После его окончания распределился в Севастополь в Высшее военно-морское училище имени Павла Степановича Нахимова. Еще через пять лет надел погоны офицера.

Благодаря дате моего рождения на службе меня не назначали на вахты и дежурства 23 февраля. Марш «Прощание славянки» вместе с праздником 23 февраля перекочевал из детства в мою взрослую жизнь. Самое популярное в России музыкальное произведение, написанное Василием Агапкиным в 1912 году, долгое время находилось под запретом после Октябрьской революции. Ведь под него уходили белые воевать с красными. Это обстоятельство долго саднило мою память. Словно кого-то из близких очень обидели, а я не смог заступиться. Советские мифы рассеивались. Правда влекла и обескураживала одновременно. Появлялись новые, прежде оболганные герои, которых мы считали врагами. Надломилось почти все, на что мы опирались и во что верили. Из клуба в военном городке рядом с селом Белокриница снова сделали церковь, превратив бывший католический собор в храм автокефальной украинской церкви.

Мало осталось праздников на плаву в этом водовороте событий при смене идеологических ориентиров. Праздник 23 февраля удержался.

Через много лет на торговых развалах значков, знаков и медалей возле Исторического музея в Москве я увидел знак военного специалиста первого класса с отколотой красной эмалью на верхнем луче звезды. Продавец никак не мог взять в толк, почему я так долго стою и, улыбаясь, смотрю на тот знак. В конце концов он предложил купить его. Что-то меня остановило от приобретения. Может быть, тот, едва сдерживающий слезы тринадцатилетний подросток, получивший свою награду из рук офицера в бывшем польском костеле? Он отнесся ко мне как к товарищу по оружию. Кто я был тому

полковнику командиру ракетной бригады? Лишь незначительной слагающей его военной судьбы? Вместе со значком он подарил мне ощущение причастности к миру настоящих мужчин. Когда продавец стал заметно нервничать, я засобирился уходить. На душе было спокойно и радостно, словно моя ладонь вновь почувствовала крепкое рукопожатие того полковника.

С годами закаливание души чаще всего проходит через ее очерствение. Но всегда для нее найдется что-то близкое, родное, размягчающее, как заблудившаяся улыбка из моей юности, как щемящие звуки «Прощания Славянки».

Вячеслав СКАЛАЦКИИ